

Алексей Яроцкий

ЗОЛОТАЯ КОЛЫМА

ВОСПОМИНАНИЯ А. С. ЯРОЦКОГО О КОЛЫМЕ
В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Алексей Яроцкий

**Золотая Колыма. Воспоминания
А. С. Яроцкого о Колыме
в литературном контексте**

«Нестор-История»

1965–1976, 2021

УДК 94
ББК 63.2

Яроцкий А. С.

Золотая Колыма. Воспоминания А. С. Яроцкого о Колыме в литературном контексте / А. С. Яроцкий — «Нестор-История», 1965–1976, 2021

ISBN 978-5-4469-1793-8

Впервые «Золотая Колыма» А. С. Яроцкого печатается без сокращений по машинописи с авторской правкой из архива наследников мемуариста. Инженер-экономист центрального вагонного управления наркомата путей сообщения А. С. Яроцкий работал под непосредственным руководством Л. М. Кагановича и был арестован 10 ноября 1935 г. по сфальсифицированному делу «предельщиков». Пять месяцев содержался в одиночной камере внутренней тюрьмы Лубянки, был приговорен к пяти годам заключения в ИТЛ Колымы. Работал забойщиком на золотых приисках. В 1937 г. был вызван на повторное следствие в Москву, через год возвратился на Колыму, стал доходягой в период гаранинского произвола. Освободился в ноябре 1940 г., работал главным бухгалтером в больнице поселка Дебин на Колыме в одно время с В. Т. Шаламовым. Книга адресована широкому кругу читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94
ББК 63.2

ISBN 978-5-4469-1793-8

© Яроцкий А. С., 1965–1976, 2021
© Нестор-История, 1965–1976, 2021

Содержание

Н. М. Малыгина	6
Ленинградский интеллигент на переломе истории	8
Полемика А.С. Яроцкого с И. Е.Гехтманом	14
Круг общения А. С. Яроцкого на Колыме	18
Взгляды Яроцкого и Шаламова: за истинный ленинизм, против Сталинского социализма	24
Круг чтения Яроцкого	26
Герои «Золотой Колымы» – исторические деятели	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алексей Самойлович Яроцкий

Золотая Колыма. Воспоминания

А. С. Яроцкого о Колыме

в литературном контексте

© Н. М. Малыгина, вступительная статья, комментарии, 2021

© И. Е. Зайцева, Н.М. Малыгина, публикация и подготовка текста «Золотой Колымы»

А. С. Яроцкого, 2021

© Издательство «Нестор-История», 2021

Нестор-История
Санкт-Петербург
2021

Благодарю наследников А. С. Яроцкого Т.А. Зайцеву (Яроцкую) и И.Е. Зайцеву за предоставление авторизованной машинописи «Золотой Колымы» и фотографий А. С. Яроцкого; Т. И. Исаеву – за материалы из личного архива; М. А. Добровольского – за фотографии из личного архива; Т. Б. Симонову за фотографии Б. Н. Лесняка из личного архива; Л. Н. Антилову – за участие в подготовке текста «Золотой Колымы» А. С. Яроцкого.
Н. М. Малыгина

Н. М. Малыгина Воспоминания А.С. Яроцкого о Колыме в литературном контексте¹

Во вступительной статье Н. М. Малыгиной книга А. С. Яроцкого «Золотая Колыма» рассматривается в контексте колымской лагерной прозы. Устанавливаются ее связи с русской литературой 1920–1930 гг.

Обнаружено, что воспоминания Яроцкого создавались в диалоге с книгой И. Е. Гехтмана «Золотая Колыма» (1937). Яроцкий полемизировал с автором очерков и показал, что официальный советский миф об освоении Колымы, умалчивающий о заключенных, был полуправдой.

В рецензии А. П. Платонова о «Золотой Колыме» И. Е. Гехтмана раскрыта причина обращения Платонова к книге магаданского журналиста: интерес к строительству социализма на Колыме. В год издания «Золотой Колымы» Гехтмана заключенными колымских лагерей были будущие авторы лагерной прозы А. С. Яроцкий, Б. Н. Лесняк, Г. А. Воронская и И. С. Исаев, они, находясь на Колыме, вошли в окружение В. Т. Шаламова. Яроцкого и Шаламова сближало отношение к репрессированным советским писателям Б. А. Пильняку, И. Э. Бабелю, А. К. Воронскому. А. С. Яроцкий, Б. Н. Лесняк, Г. А. Воронская и И. С. Исаев создавали колымский лагерный метатекст в диалоге с прозой Шаламова, известной его окружению до издания. В «Золотой Колыме» А. С. Яроцкого, воспоминаниях и письмах Лесняка, Воронской, Исаева выявлен общий сюжет, унаследованный у жанра путевого очерка; установлен их общий автобиографический герой – забойщик золотого прииска, генетически связанный с образом «артиста лопаты» Шаламова; предшественниками которого были образы землекопов из повести Платонова «Котлован». Отмечено, что мотив низведения человека в лагере до состояния животного возник в творчестве Платонова и был продолжен в прозе Шаламова, воспоминаниях Яроцкого, Исаева и Ямпольского. Установлена связь картины лагерного труда у авторов колымского метатекста с образом стройки символического «здания социализма» в «Котловане» Платонова.

Ключевые слова: *А. К. Воронский, А. П. Платонов, В. Т. Шаламов, «Золотая Колыма» А. С. Яроцкого, «Золотая Колыма» И.Е. Гехтмана, Б.Н. Лесняк, Г. А. Воронская, И. С. Исаев, А. М. Бирюков, колымский лагерный метатекст.*

¹ *Яроцкий Алексей Самойлович* (1908–1983) – инженер Научно-исследовательского института эксплуатации железнодорожного транспорта, начальник сектора оперативного учета и планирования Центрального управления вагонного хозяйства НКПС. Родился в Санкт-Петербурге, в семье государственного служащего. С 1917 по 1923 г. Алексей Яроцкий с матерью и братьями жил на Украине у родственников, с 12 лет работал пастухом и сельскохозяйственным рабочим. В Петрограде закончил советскую трудовую школу № 192 на Петроградской стороне. В 1926 г. поступил на экономический факультет Петроградского политехнического института. В институте познакомился с Бреусом и Арнольдовым, которые предложили ему должность начальника сводно-аналитической группы отдела статистики в управлении Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги. В 1931 г. устроился старшим экономистом в управление Московско-Курской железной дороги, одновременно преподавал в Транспортно-экономическом институте, а после его слияния с Московским институтом инженеров транспорта продолжил работать и там. С 1933 г. трудился старшим инженером сектора оперативного учета центрального вагонного управления наркомата путей сообщения. Был арестован в ноябре 1935 г. Провел около полугода в одиночной камере внутренней тюрьмы Лубянки и после приговора еще месяц в Бутырской тюрьме, был приговорен Особым совещанием к пяти годам лагерей по статьям 58-7 и 58-11. С февраля 1937 г. работал старшим экономистом на прииске Нижне-Берзинский, а в апреле был вызван на повторное следствие. Вернулся обратно в лагерь на прииск Утиный в июне 1938 г. Освободился в 1940 г., когда находился в лагере на прииске Утиный на участке Дарьял. После освобождения работал вольнонаемным главным бухгалтером в больнице УСВИТЛ, жил с семьей в поселке Левый берег (Дебин). Реабилитирован в 1956 г. В 1958 г. перевез семью из Магадана в Кишинев, а сам переехал в Кишинев в 1959 г., поступил на должность корректора в Институт экономики АН МССР. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию. Работал в институте до 1976 г. Последние годы жил в Симферополе.

Книга А. С. Яроцкого «Золотая Колыма» печаталась с сокращениями в журнале «Горизонт» в Кишиневе, где автора хорошо помнили и приняли предложение его дочери Т. А. Яроцкой (Зайцевой) опубликовать «Золотую Колыму».

Т. И. Исаева² в 2003 г. издала «Золотую Колыму» Яроцкого тиражом 100 экземпляров³. Как и предвидел автор, книга появилась через 20 лет после его смерти.

Впервые для настоящего издания текст воспоминаний А.С. Яроцкого «Золотая Колыма» печатается по авторизованной машинописи, сохранившейся в семейном архиве наследников автора и предоставленной ими для публикации.

² *Исаева Татьяна Ивановна* (р. 1951) – младшая дочь Г. А. Воронской и И. С. Исаева.

³ Яроцкий А. С. Золотая Колыма / А. С. Яроцкий; подг. текста, прим. Т. И. Исаевой. Железнодорожный: РуПаб+, 2003. 168 с.; М.: РуПаб+, 2010. 268 с. Источником текста этого издания была журнальная публикация воспоминаний (Горизонт. 1989. № 1–4), в которой сделаны многочисленные сокращения авторской машинописи. Цитируется с указанием страниц в тексте в скобках – ЗК.

Ленинградский интеллигент на переломе истории

Алексей Самойлович Яроцкий написал «Золотую Колыму» и семейную хронику «Лицом к прошлому»⁴. При жизни автора его книги не были изданы.

Жизнь Яроцкого разделилась на три почти равные части: 27 лет до ареста, четверть века на Колыме и 24 года после возвращения с Севера.

Алексей Яроцкий родился в 1908 г. в Санкт-Петербурге в интеллигентной обеспеченной семье. Его отец и мать в молодости много времени проводили за границей. Любимым городом отца был Париж. Молодость матери прошла в Швейцарии, где молодые люди и познакомились. Венчались в Потсдаме в православной церкви. Сохранилась фотография, сделанная во время свадебного путешествия родителей в Швейцарии, в Монтре: на ней у отца «...интеллигентное и... доброе лицо» человека «...из другого, ушедшего мира... Это был мир, где верили в прогресс человечества, в наступление всеобщего мира и социализма (ЛП. С. 32).

Отец А. С. Яроцкого Самойло Иванович Яроцкий (1867–1911) родился в Санкт-Петербурге, закончил Введенскую мужскую гимназию на Петроградской стороне, увлекался яхтами и буерами, по своему проекту построил дом на Малой Разночинной улице Петербурга. После самоубийства сестры Маши он порвал с матерью, а когда женился, купил хутор Мотовиловка под Киевом, разводил породистых инкубаторских кур, но разорился.

А. С. Яроцкий считал своего отца «мятущимся интеллигентом» (ЛП. С. 33), так как он сочувствовал революции 1905 г., устроил на своем хуторе конспиративную квартиру, где скрывались революционеры разных партий. В родительской семье Яроцкого царил либерально-демократический дух.

Умер С. И. Яроцкий в возрасте 44 лет. Четверо его сыновей, которым было от 3 до 9 лет, остались на руках матери. Но бабушка Вера Андреевна Яроцкая предоставила внукам с их матерью бесплатную квартиру из четырех комнат в трехэтажном доме, построенном по проекту ее сына, давала на их содержание 300 рублей в месяц.

Бабушка была малограмотной купеческой дочерью, рано осталась богатой вдовой: в Петрограде, на Петроградской стороне ей принадлежал участок земли между Малой и Большой Разночинными улицами и построенные там два дома: двухэтажный на 8 квартир и трехэтажный на 14 квартир. Кроме того, у нее был большой дом в Чернышевском переулке.

Несмотря на ее щедрость, в памяти внука она осталась как «очень старая, но властная, строгая и скупая». Между тем ее участие в жизни А. С. Яроцкого обеспечило ему «золотое» детство.

Алексей Яроцкий за свое счастливое детство был благодарен матери. Елена Карловна Либих (1884–1942) происходила из богатой семьи поволжских немцев, получила традиционное для ее социального круга образование: играла на фортепьяно, рисовала и знала три языка. Яроцкий восхищался самоотречением матери, полностью посвятившей себя детям, ценил ее душевную щедрость и доброту: «В нашей семье не было принуждения, навязывания определенных моральных норм... и в то же время не было распушенности и своеволия» (ЛП. С. 39).

До революции в семье были бонна и кухарка. Мать выбрала для детей дорогое частное реальное училище Кузьминой на Петроградской стороне, где уровень преподавания был значительно выше, чем в казенных гимназиях. В этом учебном заведении Алексей закончил два подготовительных класса.

⁴ Яроцкий А. С. Лицом к прошлому / Подг. текста Т. И. Исаевой; предисл. Я. Б. Шпунта; коммент. Т. И. Исаевой, Я. Б. Шпунта. М.: ОнтоПринт, 2018. Текст книги «Лицом к прошлому» сверен с авторизованной машинописью. Цитируется с указанием страниц в тексте в скобках – ЛП.

А. С. Яроцкий гордился своим дядей Александром Ивановичем Яроцким⁵ – братом отца, который достиг выдающихся успехов в области медицины и был для Алексея образцом успешного человека. Александр Иванович поступил за казенный счет в Военно-медицинскую академию, жил на стипендию и давал уроки, написал докторскую диссертацию, работая земским врачом, в 1898 г. защитил свой труд, стал приват-доцентом Санкт-Петербургского университета, потом ординарным профессором, читал лекции в Юрьеве (Дерпте) и Петербурге. С 1924 г. был профессором 1-го МГУ.

История не имеет сослагательного наклонения, однако биография дяди в семейной хронике Яроцкого показывает, как могла сложиться его судьба при благоприятных обстоятельствах. Но жизнь А.С. Яроцкого пришлось на эпоху революций, Гражданской войны и массовых репрессий 1930-х гг. Алексей запомнил похороны жертв февральской революции на Марсовом поле в Петрограде, тогда он впервые услышал о Ленине от старшего брата.

А. С. Яроцкий унаследовал от дяди интерес к своей родословной. Бывая в Ленинграде, Александр Иванович разыскивал семейные реликвии. Главной его находкой была «царская грамота ...за собственноручной подписью императрицы Елизаветы Петровны», где говорилось, что «...казак Миргородского полка Самойла Яроцкий» приглашен в Санкт-Петербург в императорскую певческую капеллу. А. С. Яроцкий гордился тем, что его фамилия «...фигурирует в истории реестрового казачества с XVII века» (ЛП. С. 12).

В XIX в. Яроцкие прижились в Северной столице, принадлежали к среднему чиновничеству, а в начале XX в. стали интеллигентами.

В мае 1917 г. Елена Карловна Яроцкая увезла сыновей на Украину, где в Лохвицком уезде Полтавской губернии жила ее сестра Эльза. Поездка отличалась от удобных путешествий дореволюционной поры: на вокзале толпились солдаты, вагоны были набиты битком, люди ехали на крышах.

Муж Эльзы Сергей Тихонович Никитин арендовал хутор Романиха, где создал фермерское хозяйство – «...процветающее капиталистическое предприятие, оборудованное по последнему слову тогдашней техники» (ЛП. С. 53). После прихода к власти большевиков хозяйство было разорено, а сам С. Т. Никитин скрылся. Он вернулся, когда Украину оккупировали немцы, отобрал свой скот и машины у тех, кто их присвоил, надеялся продать имущество и уехать в Австралию, но был убит.

В годы Гражданской войны продолжать учебу А. С. Яроцкому и его братьям удавалось урывками. Зимой 1917/1918 г. они учились в коммерческом училище, в 1919 г. семья сняла квартиру в городке Лохвицы, где была гимназия, но занятия там вскоре прекратились. Пришли белые, объявили о формировании добровольческой роты, и туда записался добровольцем Иван Яроцкий – старший брат Алексея. Несколько лет спустя семье сообщили, что Иван был ранен на Перекопе, эвакуирован в Варну, а потом оказался на шахтах Югославии. Больше сведений о нем не было, но Елена Карловна всегда помнила, что была матерью белогвардейца.

Став взрослым, Яроцкий пытался понять, почему офицеры, юнкера и студенты шли в добровольческую армию: интеллигенция надеялась после свержения самодержавия создать демократическую республику, летом 1917 г. состоялись свободные демократические выборы,

⁵ *Яроцкий Александр Иванович* (1868–1944) – брат отца А. С. Яроцкого. Врач-терапевт. В 1889 г. окончил ВМА, работал земским врачом, с 1894 г. врач Обуховской городской больницы, затем Петропавловской больницы в Петербурге. В 1898 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Об изменениях величины и строения клеток поджелудочной железы при некоторых видах голодания». В 1899–1901 гг. ассистент клиники Женского медицинского института. В 1901–1902 гг. работал у И. И. Мечникова в Париже. В 1904–1918 гг. профессор Юрьевского университета, в 1919–1924 гг. профессор Крымского университета, с 1924 г. профессор терапии 1-го МГУ, затем профессор терапии Московского областного клинического института. В научной работе опирался на исследования И. П. Павлова. Занимался литературой, сотрудничал в журналах «Новое слово», «Начало», «Северный курьер» (Коммент. Т. И. Исаевой//ЛП. С.16–17).

но неожиданно большевики разогнали учредительное собрание и объявили диктатуру пролетариата.

В годы Гражданской войны мать Алексея и ее сестра с помощью своих пяти сыновей сумели создать на земле хозяйство, позволившее им не голодать. Помогло то, что С. Т. Никитин купил для семьи скромный дом с садом в городке Лубны. Землю для ведения сельского хозяйства разрешалось брать без ограничений, при условии обработки ее собственными силами. Здесь Алексей с 12 лет узнал, что такое каторжный крестьянский труд. Держали корову, которую он пас. Позже работал пастухом в совхозе, куда мать устроились поденщицей.

Осенью 1923 г. Яроцкие вернулись в полупустой после голода и эпидемии Петроград, Невский проспект поразили запустением: «...изредка проезжали обшарпанные извозчики, большинство витрин было заколочено, прохожих было мало...» (ЛП. С. 172).

Но возвращение в отчий дом было счастьем: сохранилась не только их квартира, но и мебель. Оглядываясь на прошлое, Яроцкий понял, что за годы Гражданской войны стал: «...одичавшим мальчишкой», растерял ростки культуры и знаний, полученных в годы учебы в реальном училище Кузьминой (ЛП. С. 174).

При отъезде на Украину мать сдала ценные вещи в ломбард, а вернувшись, узнала, что все было конфисковано. Ей с трудом удалось устроиться чернорабочей на бумагопрядильную фабрику имени Самойловой, до революции принадлежавшую ее дяде. Эта работа спасла семью от голодной смерти.

Алексей поступил в советскую трудовую школу № 192 на Петроградской стороне. Мать определила его в класс, созданный для детей из интеллигентных семей, сохранивших благополучие. Пятнадцатилетний Яроцкий не вписывался в этот коллектив, он «...имел довольно живописный для такого общества вид. На ногах чеботы, брюки заправлены в голенища, вышитая украинская рубашка...» (ЛП. С. 180). К тому же выяснилось, что Алексей испытывал классовую ненависть к благополучным сверстникам: годы тяжелого труда превратили его в пролетария. Однако слезы матери заставили подростка остаться в классе, он успешно закончил школу, несмотря на то что приходилось постоянно подрабатывать: пилить дрова учителям, носить их за 3 рубля в месяц по квартирам. Впервые смог купить себе френч за 10 рублей, когда получил 25 рублей за расчистку парка после наводнения 1924 г.

Алексей помнил составленный отцом список книг для обязательного чтения, где перечислялись Чернышевский, Писарев, Добролюбов. Но в школе ему встретился удивительный учитель литературы Иван Михайлович Андриевский – «классический тип дореволюционного русского интеллигента»: «...бледное лицо аскета, горящие глаза проповедника, длинный черный сюртук с университетским ромбом и полная отрешенность от мира сего» (ЛП. С. 184). Учителю было около 30 лет, он окончил в Сорбонне медицинский и философский факультеты, после 1917 г. в Петрограде получил звание профессора российской словесности. И. М. Андриевский привил ученикам вкус к творчеству Пушкина, Достоевского, Л. Андреева, символистов, Бунина, Гумилева, Есенина. Как теперь понятно, увлечение А. С. Яроцкого русской классикой объяснялось его литературной одаренностью.

Но при выборе профессии занятия литературой он не рассматривал: колебался, не поступить ли в Лесной институт. Предпочел экономический (хотел «изучить марксизм»), а в конце жизни сожалел, что не стал лесничим: мог бы оставить после себя посаженный лес.

Поскольку в школе Яроцкому лучше давались гуманитарные предметы, ему пришлось заниматься математикой с репетитором, чтобы в 1926 г. поступить на экономический факультет Ленинградского политехнического института.

Алексей стал единственным из братьев, кто получил высшее образование. Материально ему помог выучиться брат Александр, который хорошо зарабатывал, так как работал литейщиком-формовщиком в литейных мастерских Мореходного техникума на Васильевском острове.

Сыграло роль упорство Алексея. Прожив год в общежитии (институт был далеко от дома), он понял, что там невозможно серьезно заниматься, и снял частную квартиру. Чтобы ее оплачивать, приходилось в каникулы, и зимой, и летом, подрабатывать на разных заводах. В 1927 г. – грузчиком в Ленинградском порту и чернорабочим на заводе имени Карла Маркса на Выборгской стороне.

Весной 1930 г. Яроцкий закончил институт. Его старший друг Николай Ефимович Бреус – выпускник того же факультета, был хорошо знаком с А. М. Арнольдовым⁶, который возглавлял управление Мурманской железной дороги, где использовал принудительный труд заключенных Соловецкого лагеря.

Арнольдов был назначен управляющим Московской Белорусско-Балтийской железной дороги и пригласил Бреуса на должность начальника отдела статистики, Яроцкому предложили должность начальника сводно-аналитической группы этого отдела.

Перед отъездом из Ленинграда в Москву в 1930 г. А. С. Яроцкий зашел на Смоленское кладбище, где стояли огороженные железной решеткой мраморные памятники Яроцких. Только могила бабушки, умершей от голода в Петрограде в 1919 г., была с простым деревянным крестом. В 1968 г. он снова побывал на Смоленском кладбище, но к тому времени от могил остались только фундаменты. Его мать умерла от голода в блокадном Ленинграде, вместе с ней на Серафимовском кладбище был похоронен брат Дмитрий, а умерший от ран брат Александр (1905–1943), который воевал, защищая город, похоронен на Чесменском кладбище.

А. С. Яроцкий видел разницу в положении инженера в советском обществе и царской России: «Что такое был инженер в дореволюционной России. Прежде всего, это был барин, это квартира на 6–7 комнат, кухарка, горничная, а в провинции и свой выезд, значит, и кучер, жена, занятая воспитанием детей и приемом гостей» (ЛП. С. 240).

В 1931 г. Яроцкий узнал, что арестовывают людей из его окружения. Ему пришлось обратиться за помощью в Политический красный крест, который возглавляла Е. П. Пешкова⁷.

В студенческие годы он был идейным комсомольцем. Но в начале 1930-х гг. его взгляды стали меняться. Его брат вступил в партию, был отправлен проводить коллективизацию в

⁶ Арнольдов Арон Маркович (настоящая фамилия Шейнфайн) (1894–1937) – в 1919 г. назначен комиссаром Управления военных сообщений республики, членом коллегии НКПС Украины и управделами Реввоенсовета западного фронта. В 1920–1921 гг. – заместитель председателя Курского губисполкома. С 1921 г. работал в системе железнодорожного транспорта, в 1922-м был переведен в Петроград на должность председателя правления Мурманской железной дороги. В 1923 г. назначен председателем правления Мурманского промышленно-транспортного колонизационного комбината, имевшего отделы: колонизационный, «Желлес», «Желрыба», Муркомпорт, «Желстрой», транспортный и «Желсиликат». Взятся отремонтировать и достроить дорогу, провести ее техническое переустройство, добиться увеличения объемов грузовых и пассажирских перевозок. Ставил задачу заселить Карело-Мурманский край. В 1923 г. МЖД приняла участие в первой советской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве. А. М. Арнольдов – автор книг: «Вторые Дарданеллы. Мурманский выход в Европу» (Петроград, 1922), «Колонизация Мурман. Достижения и ближайшие перспективы» (Л., 1924), «Железнодорожная колонизация в Карело-Мурманском крае» и «Три года. К трехлетию деятельности Правления Мурманской железной дороги. 1922–1925 гг.» (Л., 1925). В феврале 1927 г. Арнольдов назначен председателем правления Московской Белорусско-Балтийской железной дороги. В 1930 г. он окончил (одновременно с Яроцким) экономический факультет Ленинградского политехнического института. В 1931–1933 гг. – директор Октябрьской железной дороги и председатель Северо-Западного управления по перевозкам. В 1933–1936 гг. – начальник Вагонного управления, заместитель и начальник Центрального управления эксплуатации НКПС. 8 января 1936 г. по приказу наркома Кагановича от 4 января отстранен от руководства Центральным управлением эксплуатации НКПС и назначен начальником ЮгоВосточной железной дороги. В статье «Еще о тяжелых поездах и “теоретиках” предела» (газета «Вперед» ЮВЖД) критиковали руководство ЮВЖД, не поддерживавшее кривоносовцев. Их обвиняли за предостережения, что «тяжеловесники» расстроят работу железной дороги. Военная коллегия Верховного суда СССР 19 августа 1936 г. приступила к слушанию дела о «террористических троцкистско-зиновьевских группах». К одной из этих групп причислили... Арнольдова. 16 января 1937 г. он был арестован. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г. Каганович обвинил начальника ЮВЖД в занижении норм эксплуатации вагонов, увеличении количества крушений и аварий как участника троцкистской террористической и шпионско-диверсионной организации. В Архиве Правительства Российской Федерации Арон Арнольдов числится в списке обвиняемых («Москва-Центр»), 3 сентября он был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к ВМН. Реабилитирован в 1956 г.

⁷ Пешкова Екатерина Павловна (26.07.1876 – 26.03.1965) – российский и советский общественный деятель, правозащитница. С 1922 г. возглавила организацию «Помощь политическим заключенным», единственную правозащитную организацию в СССР, которая просуществовала до 1937 г.

Паласовский район Республики немцев Поволжья и рассказывал, что там происходило. Сам А. С. Яроцкий видел на железной дороге эшелоны раскулаченных крестьян. Под влиянием этих событий он задумался о том, что страна свернула с ленинского пути.

Уволившись с предыдущего места работы, он устроился старшим экономистом в управление Московско-Курской железной дороги, начал заниматься исследованием учета себестоимости железнодорожных перевозок, сделал первый научный отчет и впервые напечатал научную статью. Одновременно А. С. Яроцкий преподавал в Транспортно-экономическом институте, а после его слияния с Московским институтом инженеров транспорта продолжил работать и там.

Научная и преподавательская деятельность А. С. Яроцкого складывалась успешно, он установил связи с НИИ эксплуатации железнодорожного транспорта, получил там тему исследования, опубликовал брошюру «Экономика товарного экспресса» и несколько статей, сотрудничал с престижным журналом «Плановое хозяйство», изучал эффективность работы новых паровозов марки ФД, себестоимость перевозок при электротяге. Начал писать диссертацию на тему «Экономика узкоколейного транспорта».

В начале 1933 г. А. М. Арнольдов был назначен начальником центрального вагонного управления наркомата путей сообщения. Н. И. Бреус возглавил там сектор оперативного учета и предложил А. С. Яроцкому должность старшего инженера этого сектора.

Работая в наркомате путей сообщения, Яроцкий стал свидетелем назначения Л. М. Кагановича наркомом НКПС. Поначалу А. С. Яроцкий считал его партийным функционером, который не знает железнодорожного дела. Но вскоре высоко оценил его деловые качества. По поручению Кагановича Яроцкий исследовал причины участившегося крушения поездов. Он обнаружил одну из них: поломки шейки оси грузовых вагонов: «Оказалось, что тридцать один процент всего колесного парка страны имел диаметр 90 мм и ниже, т. е. подлежал замене и угрожал безопасности движения. Эти данные через несколько дней оказались у Сталина, и было отпущено 8 миллионов рублей из золотого запаса для закупки осей за границей» (ЛП. С. 294).

В декабре 1931 г. А. С. Яроцкий женился на Марии Павловне Бариновой (1905–1984), работавшей в бюро машинописи того же управления. Она была из многодетной семьи кондуктора железной дороги.

10 ноября 1935 г. Яроцкий был арестован по делу «предельщиков», сфабрикованному по инициативе Кагановича.

Весной 1935 г. группа научных сотрудников Института эксплуатации железнодорожного транспорта поставила вопрос о том, что советский железнодорожный транспорт работал с перегрузками, из-за этого происходили крушения поездов. Ученые написали статью в «Правду», предлагая комплексную реконструкцию железнодорожного хозяйства.

Статью не напечатали, а переслали наркому Кагановичу, он собрал расширенную коллегию наркомата, и предложил выступить авторам статьи. Название дела «предельщиков» возникло на основании фразы из статьи: «Транспорт работает *на пределе* своих возможностей» (Курсив мой. – Н. М.).

Пока шло следствие, Яроцкий провел пять месяцев в одиночной камере внутренней тюрьмы на Лубянке, был приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях на Колыме, еще месяц отсидел в Бутырской тюрьме и отправился в дальний путь до Владивостока, а оттуда в Магадан.

Счастливая московская жизнь А. С. Яроцкого трагически оборвалась: «Упала на меня черная ночь, разрушила счастье, разумную человеческую жизнь, разлучила с любимой женой...» (ЛП. С. 319). После ареста мужа Марии Павловне пришлось пережить травлю на работе, ссылку в Енисейскую область, бездомные скитания без права проживания в столицах союзных республик, областных и промышленных центрах.

А. С. Яроцкому, как и многим его современникам, трудно было понять, по каким причинам в его судьбе произошел гибельный поворот, какими закономерностями в середине 1930-х гг. определялся выбор людей, подлежащих репрессиям. На Колыме Яроцкого ждал тяжелый труд забойщика на золотых приисках, не раз он доходил до полного истощения, но чудом уцелел благодаря переводу на работу в бухгалтерию. В 1938 г. это стало возможно, когда прекратился гаранинский произвол и закончилась эпоха Ежова.

Создается впечатление, что в его судьбу несколько раз вмешивалась удача и ему удавалось выжить в таких обстоятельствах, когда оставалось надеяться только на чудо.

Полемика А.С. Яроцкого с И. Е. Гехтманом

Алексей Самойлович Яроцкий писал книгу о лагерной Колыме в 1965–1976 гг. без надежды на издание. Позиция автора, внутренне готового к тому, что его воспоминания вероятнее всего останутся неопубликованными, имела принципиальное значение: он писал, не оглядываясь на требования советской цензуры.

Опасаясь за судьбу книги, А. С. Яроцкий передал авторизованную машинопись «Золотой Колымы» Е. Е. Ореховой⁸. Еще один экземпляр остался у дочери автора Т. А. Зайцевой (Яроцкой)⁹. По воспоминаниям дочери, А.С. Яроцкий оставлял экземпляр текста дочери своего друга И. С. Исаева¹⁰ Валентине Ивановне Исаевой¹¹.

Бывших заключенных мучил вопрос: стоит ли вспоминать о пережитом в лагерях, ведь «...нельзя без конца жить прошлым, тем более тем, которого надо стыдиться»¹². Яроцкий был готов к вопросу: за чем автор вызвал мрачные тени прошлого, что он хотел сказать людям? Но он верил, что его жизненный опыт имеет общественное значение, так как он разделил судьбу миллионов.

Ценность воспоминаний Яроцкого, по мнению Я. Б. Шпунта, написавшего предисловие и комментарии к его семейной хронике «Лицом к прошлому», определялась его удивительной наблюдательностью и вниманием к подробностям повседневной жизни: «...акцент сделан именно на описании повседневной жизни того времени, что многие по тем или иным причинам опускают. Кто-то из-за того, что не хотел снова переживать те трудности, с которым пришлось столкнуться. Кто-то посчитал их просто мелочью на фоне действительно великих событий, когда происходил слом эпох. Возможны и какие-то другие варианты, не всегда, даже, скорее, далеко не всегда связанные с волей авторов воспоминаний. Не исключено и все вышперечисленное сразу. Но эти мелочи значат подчас не меньше, чем то, что сказано или сделано теми, кого назовут великими»¹³.

Яроцкий дал своей книге то название, под которым вышла в 1937 г. в Хабаровске книга дальневосточного журналиста И. Е. Гехтмана¹⁴ «Золотая Колыма»¹⁵. Он построил воспоминания о лагерном прошлом по модели очерков Гехтмана, но вступил в полемику с предшествен-

⁸ Орехова Елена Евгеньевна (1922–2007) – вдова А. З. Добровольского, друга А. С. Яроцкого. Сведения сообщил М. А. Добровольский – сын Е. Е. Ореховой и А.З. Добровольского.

⁹ Зайцева (Яроцкая) Татьяна Алексеевна (р. 1946) – младшая дочь М. П. Яроцкой и А. С. Яроцкого.

¹⁰ Исаев Иван Степанович (1907–1990) – родился 25 октября (по ст. стилю) в селе Богато-Попасное Новомосковского уезда Екатеринославской губернии. В 1910 г. его отец уехал из деревни, нашел работу на железной дороге. Семья переехала в Новомосковск, Иван учился в Новомосковской мужской гимназии. В голодном 1921 г. умерла мать. С 1923 г. И. С. Исаев работал разнорабочим и проводником вагона на Мерефа-Херсонской железной дороге, с 1925 г. – слесарем паровозного депо. В 1928 г. И. С. Исаев поступил в Москве в Архитектурно-строительный институт, в 1929 г. по спецнабору был мобилизован в военное училище. В 1930 г. вступил в партию. Демобилизовался весной 1933 г., вернулся в Москву. Осенью 1933 г. поступил в только что открытый в Москве Литературный университет им. М. Горького, одновременно работал заместителем директора Управления по охране авторских прав Союза писателей СССР, был парторгом секции драматургов Союза писателей. Арестован в 1936 г. Освобожден в 1942 г. Реабилитирован в 1955 г. После реабилитации – член комиссии по литературному наследию А. К. Воронского.

¹¹ Исаева Валентина Ивановна (1945–1991) – старшая дочь Г. А. Воронской и И. С. Исаева.

¹² Исаев И. С. Долгое прощание с Колымой / И. С. Исаев; подг. текста, сост. Т. И. Исаевой, Н. М. Малыгиной; предисл. Н. М. Малыгиной. СПб.: Издатель Мархотин П. Ю., 2017. С. 25.

¹³ Шпунт Я. Б. Обыкновенная биография в необыкновенное время // Яроцкий А. С. Лицом к прошлому / Предисл. Я. Б. Шпунта; коммент.: Т. И. Исаевой, Я. Б. Шпунта. М.: ОнтоПринт. 2018. С. 5.

¹⁴ Гехтман Исаак Ефимович (1895–1938) – журналист. Работал заместителем редактора газеты «Советская Колыма». Побывал во многих уголках Колымы и Чукотки. Родился в г. Клинцы Брянской области. Образование высшее. В Москве проживал в Варсонофьевском переулке, д. 6, кв. 21. Был арестован 19 апреля 1938 г. Обвинен в шпионаже. 20 июня 1938 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР. В тот же день расстрелян. Захоронен в Коммунарке. Реабилитирован в ноябре 1955 г.

¹⁵ Гехтман И. Е. Золотая Колыма. Хабаровск: Дальневосточное краевое издательство, 1937. 176 с.

ником, чтобы по всем пунктам опровергнуть созданный им пропагандистский образ советского Дальнего Севера. Сотрудник газеты «Советская Колыма» Гехтман в очерках утверждал, что на Колыме трудились добровольно приехавшие туда комсомольцы – молодые романтики с комфортом добирались до Магадана на прекрасном пароходе, поселялись в уютных чистых гостиницах, ярко освещенных электричеством. Жизнь советских людей на Крайнем Севере изображалась как осуществленный социалистический рай.

Яроцкий писал о том, что у советского общества было два лица. Все знали про энтузиазм первых пятилеток, великие стройки, достижения в экономике, индустриализацию и коллективизацию. Но было запрещено упоминать о том, что «...как в без дну, провалились целые слои советского общества»; о том, откуда взялись лагеря, что происходило с теми, кто туда попадал.

После разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС сохранялся запрет на упоминание о заключенных концлагерей. Во время хрущевской оттепели, 25 декабря 1963 г., И. С. Исаев посмотрел киноочерк о Колыме «Земля без бога» – дипломную работу выпускницы ВГИКа. Этот фильм вызвал у него горькие чувства, он не мог смириться с тем, что общество не знает о людях, работавших на Крайнем Севере: «Но если уже нельзя говорить о нас, кто по-настоящему осваивал этот край, то не надо без конца говорить о пяти-шести свадебных генералах, которые якобы одни освоили Колыму»¹⁶.

О лагерных тружениках знал и Гехтман, он не раз объехал территорию Колымы, но ему было хорошо известно, о чем запрещено писать на страницах советских газет. Книга Гехтмана привлекла внимание А. П. Платонова. Являясь постоянным автором «Литературного обозрения», писатель в редакции журнала сам выбирал книги для рецензирования.

Платонова заинтересовал очерк Гехтмана об ученом, который работал над проектом изменения климата Колымы. С начала 1920-х гг. Платонов был увлечен перспективами управления климатом. Герой его повести «Эфирный тракт» (1927) Михаил Еремеевич Кирпичников отправлялся в нижнеколымскую тундру проводить работы, которые дадут возможность человечеству «...продвигать культуру, промышленность и население к Ледовитому океану»¹⁷.

В 1933 г. Платонов откликнулся на призыв Горького к писателям обратить внимание на «богатейший материал» – «тысячи разнообразных людей», работающих на лагерных стройках: «Вот сейчас под Москвой строятся бараки для тысяч рабочих по каналу Волга – Москва. Эти тысячи разнообразных людей – прекрасный материал для изучения»¹⁸.

13 июля 1933 г. Платонов написал Горькому о желании «...изучить Беломорстрой или Москва-Волгу и написать об этом книгу...». Он объяснял, почему хочет поехать на строительство канала: «...несколько лет тому назад я сам был зачинателем и исполнителем подобных дел (подобных – не по масштабу и не в педагогическом отношении, конечно»¹⁹ (Курсив мой. – Н. М.).

Платонов надеялся продолжить инженерную деятельность, которой успешно занимался, осуществляя масштабный проект гидрофикации Воронежской губернии, разработанный им в 1921 г. В 1924–1926 гг. он был назначен губернским мелиоратором и под его руководством строились многочисленные плотины, колодцы, пруды; на возглавляемых им общественных мелиоративных работах трудились сотни тысяч голодающих крестьян. Под его руководством в деревнях возводились электростанции.

Письмо Платонова осталось без ответа, но он продолжал добиваться возможности участвовать в строительстве Беломорско-Балтийского канала. Осведомитель ОГПУ в доносе от

¹⁶ Исаев И. С. Долгое прощание с Колымой. С. 25.

¹⁷ Платонов А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2: Эфирный тракт. Повести 1920-х – начала 1930-х годов / А. Платонов; науч. ред., коммент. Н. М. Малыгиной [и др.]. М.: Время, 2009. С. 28.

¹⁸ Горький М. О точке и кочке // Известия, Правда. 1933. 10 июля.

¹⁹ Платонов А. П. А. М. Горькому. 13 июля 1933 г. // Андрей Платонов «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. / Сост. и коммент. Н. В. Корниенко, Е. В. Антоновой, М. В. Богомоловой [и др.]. М.: Астрель, 2013. С. 336.

20 октября 1933 г. сообщал: «Л. АВЕРБАХ познакомил П<латонова> с ФИРИНЫМ и они ведут сейчас переговоры о работе П<латонова> на Бел<оморско>-Балт<ийском> Канале, где он хочет реализовать интересный проект электрификации водного транспорта»²⁰.

В начале 1938 г. в «Литературном обозрении» под псевдонимом Ф. Человеков была опубликована рецензия Платонова на «Золотую Колыму» И. Е. Гехтмана²¹. Платонов заметил связь очерков о Колыме с книгой о Беломорстрое. Он указал, что очерк Гехтмана «Король» «...написан в литературном отношении очень хорошо, местами с блестящим остроумием...». Но при этом «ради справки» отметил, что подобного героя встречал у Зошенко: «...аналогичное по материалу и способу изложения произведение уже было написано несколько раньше («История одной жизни» М. Зошенко)»²². Очерк Зошенко входил в книгу²³, запрещенную ко времени публикации платоновской рецензии, так как ее главные герои заместитель председателя ОГПУ Ягода, руководивший строительством Беломорско-Балтийского канала, и Фирин, с которым Платонов успел познакомиться, уже были арестованы.

Рецензент использовал прием тайнописи, напоминая о герое очерка Зошенко, который был заключенным и «перековался» на строительстве Беломорско-Балтийского канала, он давал понять, что у Гехтмана тоже речь идет о заключенных.

Платонов процитировал в рецензии фрагмент из очерка Гехтмана, посвященный изобретениям бригадира стахановцев, строивших колымскую трассу: «В кабинет инженера входит бригадир стахановского звена Ахмеджанов, один из старейших и лучших ударников дороги. Он показывает инженеру обыкновенное дорожное *кайло* – примитивный инструмент, который с самых доисторических времен вряд ли, пожалуй, подвергался каким-либо изменениям. Трудно придумать что-либо новое для усовершенствования такого орудия. Однако Ахмеджанов – полуграмотный казанский татарин – придумал: он оттянул кайло, сделал его круглым и подобрал особенной формы ручку. В результате Ахмеджанов вместе со своим звеном ударников, работающих этим кайлом, изо дня в день дает 250 процентов нормы. Сейчас он опять пришел со своим кайлом. Ему кажется, что если ручку снова изменить, то из кайла можно выжать еще процентов 20 производительности... Ахмеджанов не одинок... Такие же, как он, рядовые рабочие придумали ледяные дорожки, на которых установили вместо *тачек* однополосные легкие санки, разработали механические клинья для разрыва скал, приделали крючья к валенкам, чтобы удобнее было взбираться на ледяные скаты» (Курсив мой. – Н. М.).

Гехтман наблюдал строительство колымской трассы, а Яроцкий увидел ее уже завершённой: «Из лагеря было видно начало знаменитого Колымского шоссе – трассы, как говорили на Колыме. Она поднималась из долины реки Магаданки и тянулась на северо-запад, переваливая через первую сопку, а за ней другую, и так тысячи километров» (ЗК. С. 200). О том, какой она стала, написал Иван Исаев: «Трасса идет по довольно ровному месту, вроде Донышка, петляет между сопкок, взбирается по крутым серпантинам на высокие перевалы (Яблоновый хребет, Дедушкина Лысина), откуда хорошо обозревается пространство Колымы. На одном из перевалов стоит памятник строителю этой трассы.

²⁰ Андрей Платонов в документах ОГПУ – НКВД – НКГБ 1930–1945 / Публ. В. Гончарова и В. Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 853.

²¹ Человеков Ф. «Золотая Колыма» И. Гехтмана // Литературное обозрение. 1938. № 2; Платонов А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8: Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / Сост., коммент. Н. В. Корниенко. М.: Время, 2011. С. 175.

²² Платонов А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. С. 175.

²³ Зошенко М. История одной перековки // Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства / Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М.: ОГИЗ. Государственное издательство «История фабрик и заводов». 1934. С. 493–524.

...трасса начинается от Охотского моря, пересекает основную артерию края – реку Колыму, и потом идет дальше на Алдан и Якутию. От основной трассы идут ответвления на далекие, затерянные меж сопок прииски»²⁴.

Гехтман в очерке назвал главные орудия труда строителей колымской трассы – кайло и тачку, вызывая у читателя определенные ассоциации. О. Э. Мандельштам в статье «Литературная Москва. Рождение фабулы» (1922) задолго до появления лагерной прозы предсказал ее содержание как «...роман каторжника с тачкой»²⁵. За пределами книги Гехтман оставил «каторжников», руками которых осуществлялось освоение Колымы.

Но, несмотря на соблюдение цензурных ограничений, Гехтман был арестован. Рецензия Платонова на «Золотую Колыму» Гехтмана чудом успела появиться в журнале до ареста автора. Но прикосновение к лагерной теме не осталось без последствий и для Платонова²⁶. 28 апреля 1938 г. в возрасте 15 лет был арестован его сын Платон²⁷.

В донесении уполномоченного НКВД от 12 марта 1939 г. сообщалось, что Платонов передал Шолохову адресованные Сталину письма, где просил об освобождении сына: «Писатель Андрей ПЛАТОНОВ, <...> говоря о судьбе своего сына, сказал, что он перестал верить Михаилу ШОЛОХОВУ, который в каждый свой приезд обещает помочь ему, берет у него письма для передачи тов. СТАЛИНУ. “Теперь он говорит, что передавал их не СТАЛИНУ, а непосредственно ЕЖОВУ, а ЕЖОВ все письма и заявления, не читая, бросал в корзину”...

“Я не понимаю, – говорит ПЛАТОНОВ, – ...Ведь делать-то ШОЛОХОВ ничего не делает, зачем же он мне всё это говорит”...»²⁸. Несмотря на хлопоты отца, Платона приговорили к заключению в исправительно-трудовой лагерь.

В то время среди заключенных колымских исправительно-трудовых лагерей находились будущие авторы лагерной прозы Алексей Яроцкий, Борис Лесняк²⁹, Варлам Шаламов, Иван Исаев, Галина Воронская³⁰, арестованные в 1935–1937 годах.

²⁴ Исаев И. С. Долгое прощание с Колымой. С. 24.

²⁵ Мандельштам О. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1990. С. 280.

²⁶ Малыгина Н. М. Интервью с Т. Г. Зайцевой-Платоновой 09.09.2009 г.: Он знает, что похож на деда // Литературная газета. 2009. № 47–48. С. 4.; Малыгина Н. Андрей Платонов и литературная Москва: А. К. Воронский, А. М. Горький, Б. А. Пильняк, Б. Л. Пастернак, С. Ф. Буданцев, Артем Веселый, В. С. Гроссман. М.; СПб.: Нестор-История. 2018. С. 493–498.

²⁷ Семейная трагедия Андрея Платонова: К истории следствия Платона Платонова / Ст. и публ. Л. Суrowsкой // Архив А. П. Платонова. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 637–636.

²⁸ Андрей Платонов в документах ОГПУ – НКВД – НКГБ 1930–1945. С. 864.

²⁹ Лесняк Борис Николаевич (1917–1990) – помощник хирурга в лагерной больнице (где лечился и работал Шаламов), автор воспоминаний о Колыме: Лесняк Б. Я к вам пришел; Савоева-Гокинаева Н. Я выбрала Колыму (архивы памяти). М.: Возвращение, 2016. 358 с.

³⁰ Воронская Галина Александровна (1914–1991) – дочь А. К. Воронского, литератор, с 1933 по 1937 г. училась в Литературном институте, арестована в марте 1937 г. Освобождена в 1944 г. Реабилитирована в 1957 г. Член комиссии по литературному наследию А. К. Воронского, автор воспоминаний о Воронском и писателях 1920-х гг., романа «Северянка» и рассказов.

Круг общения А. С. Яроцкого на Колыме

В конце 1940-х годов А. С. Яроцкий, Г.А. Воронская, И. С. Исаев познакомились с В. Т. Шаламовым, а потом до конца его жизни встречались и переписывались с ним. Книги с его дарственными надписями хранятся у дочерей Воронской, Яроцкого, Лесняка. Б. Н. Лесняк, Г. А. Воронская и И. С. Исаев написали воспоминания о Шаламове. Их личные отношения с автором «Колымских рассказов» складывались по-разному, но все они понимали масштабы его личности и таланта.

В годы войны многие заключенные стремились попасть на фронт. В. В. Есипов заметил, что Яроцкий не раз подавал «...заявление о досрочном освобождении с целью попасть на фронт, в штрафбат...»³¹.

Весной 1944 г. Шаламов работал на прииске «Спокойный». Об этом периоде жизни он написал в рассказах «Доктор Ямпольский», «Леша Чеканов, или однодельцы на Колыме», «Май». В 1944 г. Шаламов «... с диагнозом алиментарная дистрофия и полиавитаминоз» был доставлен в центральную больницу Севлага, в семи километрах от поселка Ягодное, центра Северного горнопромышленного района, где работала главным врачом Нина Владимировна Савоева, а фельдшером и помощником хирурга двух хирургических отделений был заключенный Борис Лесняк³². О своей работе в больнице Лесняк писал: «Прошло сравнительно мало времени с тех пор, как я вырвался из забоя, и был непомерно счастлив, обретая работу, которой собирался посвятить свою жизнь, а кроме того, обретал надежду эту жизнь сохранить»³³. Борис Лесняк вспоминал: «С Шаламовым мы сразу нашли общий язык, мне он понравился»³⁴.

В марте Шаламова выписали из больницы и вернули на прежнюю работу, непосильную для него. Летом Н. В. Савоева добилась его возвращения в больницу в поселке Беличья, где он работал культторгом и подсобным рабочим.

Зная, что Шаламов категорически отрицал возможность проявления человечности в условиях лагеря, Лесняк впоследствии писал, что такой вывод противоречил собственному опыту писателя, поскольку ему дали возможность задержаться в больнице в Беличьей, где писатель был освобожден от тяжелого физического труда и избавлен от голода. По воспоминаниям Лесняка, благодаря главврачу больницы Н. В. Савоевой Шаламов получил передышку и мог восстановить силы.

Со своей стороны Шаламов в рассказе «Спецзаказ» раскрыл фальшивый гуманизм лагерной медицины. По его наблюдениям, специальное улучшенное питание (о котором писал Лесняк), предоставляли умирающим людям, когда они уже были не в состоянии им воспользоваться.

Шаламов утверждал, что опыт, приобретенный человеком в лагере, является полностью отрицательным, а пребывание в лагере непоправимо калечит человека. Лесняк же думал, что именно благодаря лагерному опыту Шаламов стал большим писателем.

Поселившись в Москве, Шаламов встречался с Лесняком, когда он приезжал в столицу, переписывался с ним, так как он жил в Магадане до 1972 года.

Исследователь биографии Шаламова писал, что после выписки из больницы в Беличьей осенью 1945 года, Шаламову «...пришлось побывать на лесной командировке на ключе Алмазном, где заготавливали столбы для высоковольтной линии и кормили только один раз в день,

³¹ Есипов В. Шаламов. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 176. Необходимо уточнить, что Яроцкий был освобожден из лагеря в 1940 году, т. е. не мог добиваться освобождения.

³² Лесняк Б. Я к вам пришел... С. 200.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 201.

вечером, и откуда он попытался совершить отчаянный побег (рассказ “Ключ Алмазный”)...»³⁵. В наказание Шаламов был отправлен в штрафной лагерь на прииск «Джелгала».

В 1946 г. Шаламов был переведен на прииск Сусуман, снова дошел до состояния полного истощения, и оттуда при помощи знакомого врача Андрея Максимовича Пантюхова попал в санчасть.

Именно Пантюхов спас Шаламова, устроил его: «Сначала... при себе санитаром..., а потом убедил главврача Сусуманской больницы Соколова отправить его на курсы фельдшеров, открывшиеся при Центральной больнице УСВИТЛа». В декабре 1946 г., после окончания курсов Шаламов стал фельдшером центральной больницы для заключенных в поселке Левый берег, где А. С. Яроцкий работал главным бухгалтером.

Шаламов написал о Яроцком в рассказе «Путешествие на Олу» (1973). Автор вспоминал, как Яроцкий помог ему в трудный момент: «Есть в науке жизни хорошо известное выражение “полоса удачи”. Удача бывает маленькая и большая... На следующий день, обдумывая, как мне попасть на катер, я встретил тоже на улице Яроцкого, бывшего главного бухгалтера больницы. Яроцкий работал в бухте Веселой, жена его разрешила мне выстирать в его квартире белье, и я целый день с удовольствием стирал то, что скопилось за время моего пути в руках подполковника Фрагина³⁶. И это тоже была удача. Яроцкий дал мне записку к диспетчеру. Катер ходил раз в день, я затащил на борт свои два чемодана...»³⁷.

Как видно из писем Яроцкого 1956 и 1967 гг., Шаламов был инициатором их переписки. Яроцкий 2 мая 1956 г. ответил на его письмо:

«Дорогой Варлам Тихонович!

Прочел с радостью твое сердечное и теплое письмо и очень рад, что ты меня не забываешь. Я пишу на “ты” потому, что считаю тебя близким по духу человеком, рад, что ты жив и дожил до хороших времен, когда наша страна начинает духовно обновляться и подул свежий ветер, который долетел и до особого района деятельности “Дальстроя”.

Из наших общих знакомых реабилитированы: Заводник Я. Е. (он работает в Москве начальником государственной хлебной инспекции), Рыжов, Исаев, Топорков, Лоскутов и многие другие.

До меня очередь пока не доходит, но я особенно не спешу, т. к. в партии мне восстановления не нужно, ибо я в ней не состоял, а реабилитация в мое юридическое состояние ничего нового не вносит.

Напиши, как твои дела в этом плане!

На Колыме осталось жить 2 года, потом получу пенсию и уеду в какой-нибудь тихий угол, где смогу встретиться с тобой.

Нам нужно не терять связи, нужно подобрать 3–4 человека и написать коллективные воспоминания с посмертным опубликованием или без оно, но труд сей нужно совершить: “да ведают потомки православные”...

Не узнал бы ты сейчас Колымы, нет больше “особого” колорита, лагерей почти нет, офицеров демобилизовали, вчерашние хозяева жизни работают на мелких хозработках, горное дело сильно свертывается, зато много уделяется внимания с/х и строительству Магадана, в городе новые автобусы, такси, хорошие рестораны и пр<очие> блага культуры.

Одна амнистия следует за другой, много отпустили “власовцев”, сейчас отпускают почти всех бендеровцев, ссылку ликвидировали, выслали очень много народа, но много и приезжает.

³⁵ Есипов В. Шаламов. С. 188.

³⁶ Шаламов написал о нем в рассказе «Подполковник Фрагин»: бдительный начальник спецотдела больницы нашел дело Шаламова 1937 года и воспрепятствовал его отъезду с Колымы весной 1952 года, когда он имел право на бесплатный проезд. Шаламову пришлось работать фельдшером в поселках Барагон, Кюбюма, Лирюкован недалеко от Оймякона в Якутии, чтобы собрать денег на дорогу, он смог уехать в Москву в ноябре 1953 г.

³⁷ Шаламов В. Т. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М.: Худ. лит.; Вагриус, 1998. С. 414.

Дома у меня все нормально, дети растут и хорошо учатся, мы с женой стареем и глупеем. Будешь в Москве, зайди к Заводнику, думаю, впрочем, что он тебя не узнает и не примет, он стал вельможей и забыл ключ “Дусканья” и лесозаготовки.

Жду писем, с товарищеским приветом,
Алексей».³⁸

Яроцкий спрашивал лагерного товарища о реабилитации, как будто знал, что в это время Шаламов ждал ответа на свой запрос, отправленный 18 мая 1955 г. прокурору Р. А. Руденко³⁹ в Генеральную прокуратуру. Решение о реабилитации Шаламова было принято 18 июля 1956 г., а справку он получил 3 сентября 1956 г.⁴⁰ Сам Яроцкий тоже был реабилитирован 29 сентября 1956 г.

Отклик на сообщение Яроцкого о том, что их общий знакомый Я. О. Заводник работает в Москве, встречается в рассказе Шаламова «Яков Овсеич Заводник» (1971): «В пятьдесят седьмом году я уже жил в Москве и узнал, что Заводник вернулся и работает в Министерстве торговли на той же должности, что и двадцать лет назад. Рассказал мне об этом Яроцкий, ленинградский экономист, очень много сделавший для Заводника в винокуровские времена. Я поблагодарил, взял у Яроцкого адрес Заводника, написал и получил приглашение повидаться – прямо на работе, где будет заказан пропуск, и так далее.

...Я посоветовал, что Яроцкому не удалось возвратиться в Ленинград, хотя он расстался много раньше с Колымой, чем я и Заводник, и что теперь он вынужден быть в Кишиневе»⁴¹.

В этом рассказе Шаламов сообщал: «Дело Яроцкого, дело ленинградского комсомольца, голосовавшего за оппозицию, я знал очень хорошо», – он помнил, что Яроцкий был ленинградским комсомольцем, но ошибался, считая, что Яроцкий имел отношение к оппозиции и был арестован в Ленинграде. Шаламов думал, что Яроцкий поселился в Кишиневе вынужденно, так как ему было запрещено жить в Ленинграде.

В книге «Лицом к прошлому» Яроцкий писал, что у него как бывшего зэка «не было права проживания в столицах, областных и промышленных центрах страны» (ЛП. С. 319). По воспоминаниям дочери Яроцкого Татьяна Алексеевны, поселиться в Москве им не удалось, так как не хватило денег на покупку кооперативной квартиры в столице.

Письмо Яроцкого 1967 г. было ответом на присланный Шаламовым сборник стихотворений «Дорога и судьба» (1967). В то время Яроцкий уже работал в Кишиневе:

«Дорогой Варлам!

Спасибо тебе за “Дорогу и судьбу”.

Прочитал и вспомнил Колыму, особенно понравилось про стланик:

“Он в землю вцепился руками,
Он ищет лишь каплю тепла.
И тычется в стынущий камень,
Почти не живая игла”.

И чудный оптимистический конец о людских надеждах и скорой весне.

Я тоже люблю природу и немало счастливых минут провел в тайге, вдали от безмерной человеческой подлости.

Хорошо ты пиешь и к хорошему зовешь, правда, словами протопопа Аввакума “о праве дышать”, а это было и есть самое главное.

³⁸ <https://shalamov.ru/library/24/15.html>. Дата обращения 12 июля 2020 г.

³⁹ *Руденко Роман Андреевич* (1907–1981) – юрист, Генеральный прокурор СССР с 1953 г.

⁴⁰ Хроника решения вопроса о реабилитации Шаламова представлена в кн.: Есипов В. Шаламов. С. 216–217.

⁴¹ Шаламов В. Т. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. С. 377.

Своих сочинений, в моем окружении говорят – “трудов”, не посылаю, т. к. это муть, скука и бизнес, а печатаю я довольно много.

Вспомнил я нашу долгую беседу на берегу Магаданки и въезде в город, и лесозаготовительную командировку.

Кстати, жив ли твой сподвижник по лесным делам – Заводник, развеивается ли по московским бульварам его знаменитая борода?

Скоро буду в Москве и надеюсь встретиться.

*Твой А. Яроцкий*⁴².

12 февраля 1968 г. Яроцкий просил И.С. Исаева передать письмо Шаламову, так как потерял его адрес. Следовательно, Яроцкий тогда продолжал переписку с Шаламовым.

О своей дружбе с Шаламовым Яроцкий упоминал в письме Е. Е. Ореховой в феврале 1982 г.: «Ведь были приятелями, а потом наши пути разошлись...»⁴³.

Можно предполагать, что причиной, по которой Яроцкий отделился от лагерного товарища, стало нежелание Шаламова поддержать замысел коллективной книги воспоминаний «с посмертным опубликованием или без онога».

В поселке Левый берег Шаламов познакомился с Галиной Александровной Воронской и ее мужем Иваном Степановичем Исаевым.

Иван Исаев подружился с Алексеем Яроцким в лагере на прииске Стан Утиный. Он писал о Яроцком: «Один из моих самых старых и самых близких друзей»⁴⁴. Дочь Г. А. Воронской и И. С. Исаева Татьяна Ивановна вспоминала: «Алексей Самойлович Яроцкий был близким другом моего отца, Ивана Степановича Исаева. Они вместе были на прииске Стан Утиный, вместе болели цингой, доходили и выжили – вместе. После освобождения они вместе охотились, ловили рыбу. В Магадане Алексей Самойлович с семьей жил около бухты Веселая, а мы – на Якутской улице. Конечно, мы дружили семьями, и я с сестрой росла вместе с его дочерьми. После переезда на материк Алексей Самойлович частенько приезжал к нам»⁴⁵.

Яроцкий считал лучшим другом Аркадия Добровольского, который хорошо знал Шаламова, работал одновременно с ним фельдшером лагерной больницы. Их сближала любовь к поэзии, они каждый вечер собирались втроем: Шаламов, Добровольский, Португалов и читали стихи.

Много лет спустя вдова Добровольского Елена Евгеньевна Орехова вспоминала, как впервые увидела Алексея Самойловича в 1948 г.: «Было это в известной теперь всему миру больнице УСВИТЛ, именем которой Варлам Шаламов назвал свои “Колымские рассказы” – “Левый берег”. Там к 48 г. отбывали сроки (и первые, и тут же следовавшие вторые, и даже третьи) политзаключенные Шаламов, Добровольский, Демидов, Португалов. Яроцкий был там главным бухгалтером, жил с семьей на вольном поселении рядом с больницей. Дружба Яроцкого с Добровольским прошла через всю их жизнь, с самого лагеря Усть-Утиная»⁴⁶.

Яроцкий ценил Добровольского как признанного автора сценариев популярных советских фильмов «Трактористы» и «Богатая невеста». Добровольский был литературно одаренным человеком и яркой личностью: «Аркадий был солнечно весел, эффектен, его любили женщины. Он был полон идей, часто завиральных, но кип ел и его энергия была через край. Интересный он был человек – жизнелюб, умница...»⁴⁷. Дочь Яроцкого вспоминала, как

⁴² <https://shalamov.ru> / Переписка с Яроцким. Дата обращения 22.07. 2020.

⁴³ Орехова Е. Предисловие // Яроцкий А. С. Золотая Колыма. С. 10.

⁴⁴ Исаев И. С. Джек // Исаев И. С. О Колыме, товарищах, судьбе. М.: РуПаб+, 2007. С. 85.

⁴⁵ Исаева Т. От издателя // Яроцкий А. С. Золотая Колыма. С. 3.

⁴⁶ Орехова Е. Предисловие // Яроцкий А. С. Золотая Колыма. С. 5.

⁴⁷ Там же. С. 10.

родители передавали Пырьеву, жившему в сталинской высотке, письмо от Добровольского с Колымы.

Яроцкому казалось, что в сравнении с ним Шаламов проигрывал: «...как-то не веришь, что он большой писатель, рядом с Аркадием он не смотрелся, а вышло наоборот»⁴⁸. Возможно, на отношение окружающих к Добровольскому влияло и то, что его продолжали поддерживать знаменитые друзья «...кинорежиссер И. Пырьев и актриса Л. Ладынина, снявшие фильм “Богатая невеста” по сценарию А. Добровольского и Е. Помещикова»⁴⁹.

После похорон Добровольского в письме Исаеву 7 июля 1969 г. Яроцкий с горечью писал: «Ушел Аркадий, ушел человек, который, казалось, мог бы сдвинуть горы, и ничего не сделал. Впрочем, он был давно болен, и, возможно, поэтому так был бесплоден творчески...»⁵⁰.

По свидетельству дочери Алексея Самойловича Татьяны Алексеевны, общение ее отца с Шаламовым продолжалось до конца жизни автора «Колымских рассказов»: Яроцкий, поселившись в Кишиневе, несколько раз в год приезжал в Москву и всегда навещал Шаламова, он бережно хранил сборник стихотворений Шаламова с дарственной надписью автора.

В последние годы жизни Шаламова его друзьям было трудно поддерживать с ним контакты, так как он уже не мог сам отвечать на письма и телефонные звонки. Здоровье писателя было непоправимо разрушено. Никого из родственников и близких не было с ним рядом.

В этот период Иван Степанович Исаев продолжал навещать Шаламова и сообщал Яроцкому о его состоянии.

29 марта 1982 г. Исаев написал Яроцкому о похоронах Шаламова со слов присутствовавшей там Галины Александровны Воронской, так как сам не смог пойти из-за сердечного приступа: «Варлама Тихоновича хоронили по христианскому обычаю. Отпевали в церкви. Есть такая в Замоскворечье в Вишняковом переулке (недавно мимо нее проходил). В церкви после отпевания читали его стихи, много фотографировали. Затем состоялось захоронение на Кунцевском кладбище. Это своего рода филиал Новодевичьего. У могилы тоже читали стихи. Народу было порядочно. Два полных автобуса...»

Очень жалею, что сердечный приступ не позволил мне быть на похоронах. Я бы, наверное, был бы там единственным, кто знал покойного в рубищах и голодного. Вспомнил, как вы с Марией Павловной [женой Яроцкого. – Н. М.] долгое время откармливали его после освобождения. Он потом рассказывал мне, как за многие годы почувствовал себя в семье человеком. Почему его хоронили по церковному обряду, сказать не могу. Вообще человек он был неверующий, хотя и сын священника...»⁵¹.

Яроцкий, казалось, не одобрял, что Шаламова хоронили «с церковным пением и ладаном»⁵². Но в минуту откровения Яроцкий с сожалением писал Е. Е. Ореховой: «Ник то над моим гробом не прочитает “Еще молимся о успокоении души усопшего раба твоего Алексея и простятся ему всякому согрешению, вольному же и не вольному...”»⁵³. Читала ли ты Бунина “Жизнь Арсеньева”, это я оттуда взял».

По свидетельству дочери Б.Н. Лесняка и Н.В. Савоевой Татьяны Борисовны, ее родители ухаживали за могилой Шаламова на Кунцевском кладбище.

У Шаламова и Яроцкого было много общего: они были ровесниками (Шаламов старше на один год), и умерли в одинаковом возрасте.

⁴⁸ Там же. С. 10.

⁴⁹ Есипов В. Шаламов. С. 197.

⁵⁰ Переписка А. С. Яроцкого и И. С. Исаева // «Я не сплю в московской тишине...». С. 149.

⁵¹ «Я не теряю надежды»: Письма В. Т. Шаламова Г. А. Воронской // «Я не сплю в московской тишине...». С. 52.

⁵² Орехова Е. Предисловие. С. 10.

⁵³ Яроцкий цитирует строки романа: «Еще молимся о упокоении души усопшего раба твоего... и о еже простятся ему всякому согрешению, вольному же и не вольному...»: Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Бунин И. А. Повести. Рассказы. Л.: Лениздат, 1980. С. 567.

Но были у них и заметные отличия. С годами Шаламов становился все меньше пригоден к физическому труду, особенно после того, как не один раз пережил состояние полного истощения (при росте 185 сантиметров он весил 48 килограмм) и не имел возможности полностью восстановить здоровье. Впоследствии выяснилось, что уже тогда он страдал тяжелым заболеванием, которое усилилось впоследствии.

В лагере это вызывало враждебное отношение и обрекало на уничтожение. Ситуация усугублялась тем, что Шаламов с его высоким ростом привлекал особое внимание лагерной охраны. При его телосложении он особенно остро страдал от мизерного штрафного пайка, который получал, так как не выполнял норму.

В отличие от него Яроцкий смолоду привык к тяжелой работе в деревне в годы Гражданской войны. Привычка к физическому труду помогала ему выдержать работу забойщика на приисках в лагерях. Но и он в 1938 г. оказался на грани между жизнью и смертью.

Взгляды Яроцкого и Шаламова: за истинный ленинизм, против сталинского социализма

Яроцкий и Шаламов верили в идеалы социалистической революции и справедливость ленинской партии. Сегодня трудно понять, как люди, прошедшие тюрьмы, допросы, следствия, лагеря, пережившие состояние доходяг, сохранили такие взгляды.

Яроцкий не идеализировал дореволюционную Россию, он помнил, что при царе «меньшинство террористически управляло большинством», что в то время было «вопиющее социальное неравенство», культурная отсталость, крестьянство центральных губерний жило в нищете, национальные окраины находились под двойным гнетом, царил произвол полицейского и административного аппарата.

Сталинскую теорию обострения классовой борьбы в результате успехов построения социализма Яроцкий отрицал, так как был убежден, что в масштабах репрессий 1930-х гг. виноват Сталин, допустивший искажение ленинских принципов строительства социализма. Яроцкий уточнил хронологию процесса «...изменения общественного строя и перехода к режиму личной диктатуры» Сталина. Он свидетельствовал, что этот процесс начался сразу после убийства С. М. Кирова, в 1934 г., а 1937-й является лишь символом репрессий 1930-х годов.

Автор «Золотой Колымы» имел собственное мнение о причинах сталинских репрессий: «Если ленинская партия была союзом единомышленников, то сталинская партия – аппаратом для осуществления воли вождя. Ему нужно было заменить весь партийный, советский, военный и хозяйственный аппарат другими людьми» (ЗК. С. 18).

В письме Исаеву 3 декабря 1961 г. Яроцкий выражал сомнение в последовательности искоренения последствий культа Сталина: «...у меня нет уверенности, что ликвидация культа личности не ограничится перенесением праха и устранением Кагановича и прочих. Вот если бы перестроили наше государство по заветам Ильича, так как он писал в “Государстве и революции”, вот тогда бы я сказал, что культ ликвидирован»⁵⁴.

И.С. Исаев отвечал: «Сейчас при формальном признании нарушений в период “культа личности” все делается так, чтобы об этом не думали, не вспоминали, забыли. Никто из ныне руководящих не хочет, чтобы возникали исторические аналогии. А поводов для этого больше чем достаточно. Только память наша, как толстовская трава весной, пробивается и среди камней, или растет как молодые березки на обезглавленных и заброшенных церквях»⁵⁵.

Позиция узников лагерей отчасти объяснялась стремлением доказать, что они не были врагами советской власти, что их подвергли репрессиям по вымышленным обвинениям.

Я. Б. Шпунт обратил внимание на необходимость учитывать время создания воспоминаний Яроцкого: «Конечно, надо иметь в виду, что написаны воспоминания уже давно, 40 лет назад, совсем в другую эпоху. Естественно, многое придется объяснять, ведь большинство читателей или родились уже после того, как данная книга была написана, или были тогда детьми, которые по вполне понятным причинам не следили за новостями и тем, что происходило в общественной и культурной жизни, как официальной, так и нет. Да и просто жизнь изменилась до неузнаваемости, и многие тогдашние реалии малопонятны или совсем не понятны современникам. Не стоит забывать и о том, что Алексей Иванович был человеком своего времени, что также накладывало серьезный отпечаток»⁵⁶.

⁵⁴ Переписка А. С. Яроцкого и И. С. Исаева // «Я не сплю в московской тишине...». С. 128.

⁵⁵ Исаев И. С. Арест // Исаев И. С. О Колыме, товарищах, судьбе. С. 7.

⁵⁶ Шпунт Я.Б. Обыкновенная биография в необыкновенное время. С. 7–8.

Понять убеждения людей поколения, к которому принадлежали Шаламов и Яроцкий, позволяет колымская история их ровесника Б.Н. Грязных. А. М. Бирюков посвятил Б.Н. Грязных очерк «Безумный марш под знаменем Ленина» и привел документы, доказывающие, как Грязных вел борьбу за «истинный ленинизм», против «сталинского социализма», за что получил первый срок в 1938 году. На Колыме Б. Н. Грязных три раза приговаривали к новым срокам заключения и на свободу он вышел в 1960 г.

В 1941 г. Грязных написал письмо в ЦК партии, надеясь предупредить руководство страны об опасности политического курса, проводимого Сталиным. Вскоре он понял, что его предостережение не было принято, и отступление от ленинских принципов руководства страной продолжается: «...Сталин и его приспешники уничтожили все, что свойственно диктатуре пролетариата и насадили свою собственную диктатуру над всем трудовым народом»⁵⁷. Грязных видел два пути спасения страны: «...сверху – изменение в составе государственного руководства, с соответствующими изменениями в политике, и снизу – революционное выступление масс, сметающее язвы сталинщины»⁵⁸. «Заметки к письму ЦК» Б. А. Грязных «...стали настоящим катехизисом “поликатаржан-ленинцев”... и одновременно беспощадной критикой “сталинщины”...»⁵⁹.

В лагере Б.А. Грязных нашел единомышленников, которых привлекли вместе с ним по «Горному делу». Под названием «Горное дело» с июня 1941 г. распространялась составленная Грязных программа борьбы с неправильной политикой партии. За это в 1942 г. Грязных был приговорен к расстрелу, но высшую меру наказания заменили на десять лет лишения свободы.

Яроцкий мог знать о Б. А. Грязных, потому что с брошюрой Грязных «Горное дело» был знаком его друг Добровольский.

А.З. Добровольский входил в группу заключенных, собиравших материал для книги «Колымская каторга», которую они планировали переслать на материк. Осенью 1944 г. в больнице УСВИТЛ было возбуждено дело против участников этой группы, и они получили новые сроки.

Яроцкий в 1960-х гг. приезжал к Добровольскому и Ореховой в Киев, а Елена Евгеньевна в Киеве встречалась с Б. А. Грязных, о чем могла рассказать Яроцкому. Поэтому в тексте «Золотой Колымы» отразилось созвучие с политическими взглядами Грязных.

Яроцкий цитировал открытое письмо Сталину «невозвращенца» Ф. Раскольникова: «... Ваш “социализм”, при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за решеткой, так же далек от истинного социализма, как произвол Вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата»⁶⁰.

В книге «Лицом к прошлому» Яроцкий вновь упоминал о нем: «...в 1939 году Раскольников написал открытое письмо Сталину, обвиняя его в избиении ленинской партии, поэтому имя его и было предано забвению, а какая была колоритная фигура – большевик, окончивший военно-морское училище, участник Октябрьской революции, заместитель наркома по военно-морским делам...» (ЛП. С. 254–255).

Известно, что Шаламов посвятил «красноречивому» солдату революции документальный очерк «Федор Раскольников» (1973): «Чуткое перо Джона Рида уловило в “Десяти днях, которые потрясли мир” символическую фигуру красноречивого солдата». Шаламов начал работать над очерком в 1960-х гг., надеялся его опубликовать, но после окончания оттепели имя Ф. Раскольникова вновь было запрещено.

⁵⁷ Бирюков А. М. Безумный марш под знаменем Ленина // Бирюков А. Колымские истории. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2004. С. 161.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Широков А. И. До встречи в свободной стране... // Бирюков А. Колымские истории. С. 21.

⁶⁰ Приложение к данному изданию.

Круг чтения Яроцкого

Яроцкий в «Послесловии» к «Золотой Колыме» писал, что толчком к осуществлению замысла воспоминаний о пережитом стала для него в 1962 г. публикация повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»⁶¹. Его привлек «...метод писателя – это нанизывание фактов и фактиков», который он использовал позже в «Золотой Колыме». Яроцкий отбирал материалы по тем же принципам, что Солженицын, прежде всего пытаясь выяснить: «Каков же был масштаб репрессий в тридцатые годы?»

И. С. Исаев заметил, что повесть Солженицына «...была первой ласточкой, за которой так и не наступила весна».⁶²

В «Золотой Колыме» Яроцкий не упоминал о Шаламове, вероятно потому, что проза Шаламова еще не была издана на родине автора.

Современного читателя может удивить совпадение круга чтения Яроцкого и Шаламова. Оно объясняется особым характером советской культуры: современники читали одни и те же книги, новые журнальные публикации становились достоянием читающих слоев общества. В среде образованных людей считалось дурным тоном не знать журнальных и книжных новинок.

Сходство литературных интересов Яроцкого и Шаламова определялось тем, что они знали советскую литературу 1920-х гг. Шаламов принимал участие в литературной жизни Москвы тех лет⁶³ и встречался с одним из ее ведущих организаторов – главным редактором журнала «Красная новь», талантливым критиком и прозаиком А. К. Воронским⁶⁴. В 1933 г. Шаламов присутствовал на «чистке», проходившей в Государственном издательстве художественной литературы 21 октября 1933 г.⁶⁵

Особое внимание Шаламова к А. К. Воронскому определялось его идеализированием ленинской партии и общей принадлежностью к троцкистской оппозиции. Шаламов воспринимал Воронского как профессионального революционера, старого большевика, настоящего марксиста и близкого соратника Ленина.

По воспоминаниям Г. А. Воронской, теплое отношение к ней Шаламова объяснялось его преклонением перед памятью ее отца А. К. Воронского.

Галина с детства общалась с писательским окружением отца. К Воронскому приходили Сергей Есенин, Борис Пильняк, Исаак Бабель, Вячеслав Полонский, Артем Веселый, пролетарские поэты из группы «Кузница» и крестьянские прозаики. Летом 1927 г. Воронские жили на даче в Сергиевом Посаде рядом с Бабелем, в 1928-м они отдыхали по соседству с Пильняком в Кисловодске. Об этих писателях Г. А. Воронская оставила воспоминания. Интерес к ним сближал Шаламова и Яроцкого с Воронской.

Яроцкий проявлял интерес к Воронскому, потому что возвращение его наследия было делом жизни его друзей И. С. Исаева и Г. А. Воронской.

7 сентября 1966 г. он писал И. С. Исаеву, что прочитал воспоминания А.К. Воронского о Горьком. Его волновал вопрос: «...почему такое охлаждение и даже перерыв в отношениях с

⁶¹ Новый мир. 1962. № 11.

⁶² Исаев И. С. Арест. С. 7.

⁶³ Шаламов В. Двадцатые годы: Заметки студента МГУ // Юность. 1957. № 12. С. 30.

⁶⁴ *Воронский Александр Константинович* (1884–1937) – профессиональный революционер, участник большевистской революции 1917 г., редактор газеты «Рабочий край» в Иваново-Вознесенске, член коллегии Главполитпросвета; член ЦК РКП(б), сотрудник Госиздата, главный редактор журнала «Красная новь» (1921–1927), писатель, литературный критик, публицист. В январе 1929 г. арестован как участник троцкистской оппозиции, исключен из партии, сослан в Липецк, в ноябре 1929 г. освобожден, возвращен в Москву и восстановлен в РКП(б). Повторно арестован в апреле 1937 г., 13 августа 1937 г. расстрелян. Реабилитирован 3 марта 1957 г. Восстановлен в рядах Коммунистической партии и в Союзе советских писателей.

⁶⁵ Динерштейн Е.А.А.К. Воронский: В поисках живой воды. М.: РОССПЭН, 2001. С. 297.

1931 года»?⁶⁶ Он видел причину разрыва Воронского и Горького в расхождении их взглядов: «Я не могу простить Горькому его позиции. В 1918 году он подписывал петиции против “красного террора” (вместе с Ролланом и Короленко), а в тридцатые годы восторгался Беломорканалом и написал “Если враг не сдастся, его уничтожают”. А кто был “враг”, мы знаем хорошо, уже в 31 году было видно, куда дело идет, а в 34 стало совсем ясно, а вот ему не было видно»⁶⁷. Это суждение Яроцкого совпадает с высказыванием Шаламова в эссе «Письмо старому другу», где тоже процитирована известная формула Горького: «Если враг не сдастся...». Причем совпадает время написания письма Яроцкого и эссе Шаламова, которое было откликом на процесс Синяевского и Даниэля. Создается впечатление, что Яроцкому был известен текст эссе.

14 октября 1970 года Яроцкий писал Исаеву, что прочитал книгу Воронского «За живой и мертвой водой»: «Читал ее и раньше, но, мне кажется, без третьей части. Впечатление противоречивое, но некоторые места просто терзают душу. Особенно мне запомнилось место, где говорится о марксизме, объясняющемся в любви, и о том, как мать Г<алины> А<лександровны> заплакала, видимо, предчувствуя то, что ей уготовано судьбой и до и после революции. Хороши цитаты из Протопопа Аввакума «...до самой смерти», так и получилось, А<лександр> К<онстантинович> стоял за правду до смерти. Вообще, много пророческого о грядущем поколении, о равнодушии и примазавшихся. У него есть отдельный рассказ, где эта тема раскрыта глубже. Чудная книга, теперь ее читают мои друзья...»

Привет Галине Александровне, от души поздравляю ее с книгой»⁶⁸.

В письме 15 января 1972 года, откликаясь на смерть А. Т. Твардовского, Яроцкий писал Исаеву, что Твардовский «...был тем, чем был Александр Константинович в двадцатые годы»⁶⁹.

Мнение Яроцкого о повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: «Конечно, Солженицын не видел и малой части того, что пало на мою долю, он был в рабочем лагере, а я был в лагере уничтожения. Он был после войны, а я в руках Н. И. Ежова, так сказать, на самой свадьбе, а это разные эпохи и разная степень ужаса», – совпадало с впечатлением Шаламова.

Шаламов в письме Б. Н. Лесняку от 5 августа 1964 г. заметил, что современники не могут себе представить, какие страдания довелось испытать колымским лагерникам в конце 1930 гг. Читатели воспринимают повесть «Один день Ивана Денисовича» как «...изображение картины “ужасов” – а до подлинного ужаса там очень, очень далеко...»⁷⁰.

А. И. Солженицын в книге «Архипелаг ГУЛАГ» называл Шаламова летописцем Колымы и по этой причине собирался исключить Колыму «из охвата этой книги»⁷¹. Солженицын соглашался, что лагерное испытание Шаламова «...горше и дольше моего, и я с уважением признаю, что именно ему, а не мне досталось коснуться того дна озверения и отчаяния, к которому тянул нас весь лагерный быт»⁷².

В этих высказываниях обозначен сквозной мотив творчества бывших колымских заключенных: они всегда помнили, что, несмотря на общую лагерную судьбу, им достались испытания разной степени тяжести. Проникнута особым драматизмом переписка В. Шаламова и Г. Демидова⁷³. Демидов, обиженный на Шаламова за «безапелляционность в наставлениях и

⁶⁶ Переписка А. С. Яроцкого и И. С. Исаева // «Я не сплю в московской тишине...». С. 143.

⁶⁷ Переписка А. С. Яроцкого и И. С. Исаева // «Я не сплю в московской тишине...». С. 143–144.

⁶⁸ Там же. С. 149–150.

⁶⁹ Там же. С. 151.

⁷⁰ Лесняк Б. Я к вам пришел... С. 242.

⁷¹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. М.: Советский писатель; Новый мир. 1989. С. 117.

⁷² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ: опыт художественного исследования. 111–1У. Paris, 1974. С. 210.

⁷³ Демидов Георгий Георгиевич (1908–1987) – инженер, физик, персонаж рассказа Шаламова «Житие инженера Кипреева». Шаламов считал его одним из лучших и умнейших людей, встретившихся ему на Колыме.

разносный тон», 27 июля 1965 года писал ему: «...за кого ты принимаешь меня самого? За придурка, прохлябавшего по поверхности колымской лагерной жизни где-нибудь в Дебине или подобном злачном месте?»⁷⁴

Смысл упреков лагерного товарища в облегченном варианте лагерного режима был понятен тем, кто прошел через Колыму: в его подтексте скрывались подозрения по поводу того, какой ценой были куплены эти поблажки.

У Яроцкого особый интерес вызывала литература о Колыме. В письме И. С. Исаеву 10 июля 1981 г. он перечислил, какие книги о Колыме ему удалось собрать в своей библиотеке: «“Прописан на Колыме” Гарающенко, “Человек рождается дважды” Вяткина⁷⁵, “Территория” Куваева, “На севере дальнем” – альманахи 1962 и 1959 г., “По колымской трассе” Ульриха, “Дальстрой” – сборник, “За линией Габерландта” Пальмана, “Магадан” Цвика, “По таежным тропам” Костерина⁷⁶. Из этих книг заслуживают глубокого интереса “На Севере Дальнем” 1962, “Территория” и “Таежными тропами”»⁷⁷.

Яроцкий обратил внимание на книгу А. И. Алдан-Семенова «Барельеф на скале»⁷⁸ и воспоминания Горбатова «Годы и войны». Об Алдан-Семенове Шаламов писал Лесняку 5 августа 1964 г.⁷⁹, 26 апреля 1964 г. Шаламов советовал ему прочитать публикацию А. В. Горбатова «Годы и войны»⁸⁰: «...воспоминания о Колыме одного из колымских доходяг – генерала армии Горбатова... Речь идет о 1939 году, о Мальдяке и о больнице 23-го километра. Обязательно найди и прочти. Это первая вещь о Колыме, в которой есть дыхание лагеря (и истина), хотя в уменьшенном “масштабе”»⁸¹.

Выполняя просьбу Шаламова присылать книги магаданского издательства, Б. Н. Лесняк отправил ему книгу Виктора Вяткина: «В ней кое-что рассказано о заключенных. Книга не раскрывает всей правды о Колыме, ее трагедийном облике, о цене, заплаченной за освоение края»⁸².

Шаламов был разочарован книгой Вяткина, он хотел получить из Магадана «...описания географические, исторические работы, документы, дневники, мемуары, исследования, все, что угодно, но не бессовестную болтовню господина Вяткина. ...Эту “книгу” написал подлец»⁸³, – с возмущением выговаривал он Борису Лесняку 14 января 1965 г., извещая о получении посылки.

⁷⁴ Шаламов В. Переписка с Г. Г. Демидовым // Шаламов В. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: Эксмо, 2004. С. 752–763.

⁷⁵ Вяткин Виктор Семенович (1913–1991) – добровольно приехал на Колыму, с 1932 по 1950 г. работал в системе «Дальстрой».

⁷⁶ Костерин Алексей Евграфович (1896–1968) – журналист, писатель. Родился в селе Новая Бахметьевка Саратовской губернии. Окончил шестиклассное реальное училище. Вступил в РСДРП(б). В 1917 г. вступил в партию большевиков, в Красную Гвардию, участвовал в Гражданской войне. В 1921 г. организовал вместе с Артемом Веселым группу «Молодая гвардия», в 1925-м вместе они участвовали в создании группы «Перевал». В 1923–1930 гг. – специальный корреспондент и литературный сотрудник газет «На вахте», «Гудок», «Известия», «Труд». В 1936 г. добровольно уехал на Колыму. В ноябре 1936 г. приехал в Магадан, назначен зам. редактора газеты «Советская Колыма». Выезжал в районы Дальстроя, видел исправительно-трудовые лагеря. В 1937 г. уволен из газеты. В ноябре 1937 г. направлен на работу зам. начальника Приморского управления сельских и промысловых хозяйств. 23 марта 1938 г. арестован и осужден на 5 лет заключения в ИТЛ. В 1943 г. освобожден, в 1945 г. вернулся на «материк». В книгу Костерина «По таежным тропам» вошел очерк об Э. П. Берзине (Козлов А. «Он достаточно настрадался» // Магаданская правда. 1992. 3 марта. № 43).

⁷⁷ Переписка А. С. Яроцкого и И. С. Исаева // «Я не сплю в московской тишине...». С. 157.

⁷⁸ Алдан-Семенов А. И. Барельеф на скале. М.: Советский писатель, 1990.

⁷⁹ Лесняк Б. Я к вам пришел... Нина Савоева-Гокинаева. Я выбрала Колыму (архивы памяти). М.: Возвращение. 2016. С. 241.

⁸⁰ Горбатов А. В. Годы и войны // Новый мир. 1964. № 4.

⁸¹ Лесняк Б. Я к вам пришел... С. 237.

⁸² Там же. С. 250.

⁸³ Там же. С. 244–245.

Яроцкий внимательно прочитал книгу В. Вяткина «Человек рождается дважды»⁸⁴, цитировал его описание облика Гаранина: «Рядом с Павловым (начальник Дальстроя, сменивший Берзина) шел Гаранин. Он был среднего роста, плотный, кругленький, с короткой шеей и пухлым лицом. Если бы не мутный взгляд, то его можно было бы принять за добродушного человека».

Яроцкий привел свидетельство Вяткина о том, какой ужас охватывал заключенных и администрацию, когда появлялся Гаранин, и как на каждом прииске он просматривал личные дела заключенных, выбирая, кого отправить в штрафные отделения, кого оставить жить, а кого послать умирать. Гаранин не видел людей, а изучал их личные дела, и на основании дел определял судьбы заключенных.

А.М. Бирюков приводил свидетельство Вяткина о сменившем Берзина начальнике «Дальстроя» К. А. Павлове: «Любая встреча с ним не сулила ничего хорошего... Павлов никогда не повышал голоса, но его слова заставляли бледнеть и теряться. Каждое его распоряжение воспринималось как закон и немедленно выполнялось...»⁸⁵.

Очевидно, сходство литературных интересов колымчан было обусловлено их общим лагерным прошлым. Кроме того, они состояли в переписке и делились друг с другом сведениями об интересных книгах и журнальных публикациях.

Яроцкий живо откликнулся на сообщение Исаева о том, что он читал книгу Пильняка: «...Пильняка читал старого или есть новое издание? Кстати, как называется и где была опубликована повесть Б. Пильняка о Фрунзе? Я ее... в 1925–26 гг. читал в толстом журнале, а в каком – не помню. Говорили, что эта повесть была изъята»⁸⁶, – писал он 10 июля 1981 г.

Вопросы А. С. Яроцкого подтверждают его репутацию знатока советской литературы 1920 гг.: он точно называет основные сведения о публикации «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка в № 5 «Нового мира» в 1926 г., из-за которой возник громкий политический скандал, повлиявший на судьбу редактора «Нового мира» В. П. Полонского и на А. К. Воронского, обвиненного в том, что он рассказал Пильняку о причинах гибели М. В. Фрунзе.

Интерес А. С. Яроцкого к «Повести непогашенной луны» имел личные причины. В семейной хронике Яроцкий более подробно написал о причастности его дяди, А. И. Яроцкого, работавшего до 1925 г. в санитарном управлении Кремля, к истории болезни М. В. Фрунзе. Со смертью командарма был связан уход А. И. Яроцкого с этой должности.

По воспоминаниям Яроцкого, в один из приездов в Ленинград Александр Иванович рассказал его матери: «...Фрунзе нуждался в операции в области желудка, но его сердечная деятельность была настолько ослаблена, что он не мог выдержать наркоза» (ЛП. С.24).

По словам дяди, на консилиуме он сказал, что без операции больной имеет шанс выжить, а операция убьет его наверняка.

Про своих коллег он говорил – это не врачи, а византийские царедворцы, намекая на решение высокой партийной инстанции о необходимости операции (ЛП. С. 25).

Яроцкий помнил, что номер журнала с этой повестью был сразу же изъят, но ему удалось взять повесть у знакомых и прочитать. Он знал, что Б. Пильняк был одним из популярных писателей 1920-х гг., погиб в 1937 г., был реабилитирован, но его произведения не переизданы.

Эти факты подтверждают выводы современного исследователя творчества Б. А. Пильняка Л. Н. Анпиловой о широкой известности этой повести: «Сразу после выхода в свет повесть вызвала бурю негодующих откликов: современники увидели в ней злобный памфлет на советскую действительность, связывая сюжет повести с обстоятельствами гибели Фрунзе...»⁸⁷.

⁸⁴ Вяткин В. Человек рождается дважды. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1964. 815 с.

⁸⁵ Бирюков А. Колымские истории. С. 53.

⁸⁶ Переписка А. С. Яроцкого и И. С. Исаева // «Я не сплю в московской тишине...». С. 157.

⁸⁷ Анпилова Л. Н. Русская версия экспрессионизма: проза Бориса Пильняка 1920-х годов. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 101.

Воспоминания Яроцкого свидетельствуют о том, что повесть Пильняка он запомнил в середине 1920 г. именно потому, что она была связана с тайной смерти Фрунзе.

Лучшими писателями 1920 г. Яроцкий считал репрессированных Б. Пильняка, И. Бабеля, Б. Ясенского. Его взволновало известие о том, что установлено имя литератора⁸⁸, по доносу которого был арестован И. Бабель: «Недавно я узнал, что живет и здравствует человек, оговоривший Бабеля. Когда началась эпоха реабилитаций, то узнали фамилию автора доноса... с ним перестали разговаривать, даже исключили из сою за писателей, а потом снова забыли, и сейчас все у него в порядке...».

Интерес Яроцкого к Бабелю тоже имел личные причины: автор «Конармии» писал о польском походе Буденного 1920 г. Об этом походе Яроцкому рассказывал его друг, Н. Е. Бреус, который воевал на польском фронте в составе 27-й Омской дивизии под командованием героя гражданской войны Путны. По свидетельству Бреуса, «...армия рассматривала поход на Варшаву как возможность “подать руку германскому пролетариату”, все были уверены, что появление Красной армии в Германии вызовет немедленно пролетарскую революцию и установление советской власти не только в Польше и Германии, но и во всей средней Европе» (ЛП. С. 243–244). Но когда 27-я дивизия подошла вплотную к Варшаве и Путна готовил приказ о ее взятии, Красная армия встретила сопротивление и была отброшена назад: «Для Троцкого польская война была этапом, даже эпизодом перманентной революции, а получилось так, что это был ее конец» (Там же).

В «Золотой Колыме» упоминается хороший знакомый Бабеля первый секретарь обкома партии Кабардино-Балкарии Бетал Калмыков. Яроцкий вспоминал, что во время повторного следствия в минуту отчаяния он хотел повторить поступок Бетала Калмыкова: «...сесть на табуретку, а потом выхватить ее из-под себя и ударить уполномоченного по голове, добраться до пистолета, застрелить пару надзирателей, а потом и себя». Лагерники считали, что такое удалось заключенному Калмыкову.

С 1937 г. Калмыков участвовал в сталинских репрессиях, входил в состав тройки, созданной по приказу НКВД СССР от 30 июля 1937 г. Но в ноябре 1938 г. был арестован по обвинению в создании контрреволюционной организации и терроризме. 27 февраля 1940 г. бывший полновластный хозяин Кабардино-Балкарии Бетал Калмыков был расстрелян. Бабель собирал материал для очерка о нем, издание которого планировалось в коллективной книге «Две пятилетки»⁸⁹.

Яроцкий откликнулся на известный эпизод литературной биографии Шаламова, указав в завещании: «Ни при каких обстоятельствах не публиковать ее («Золотую Колыму». – Н. М.) за рубежом».

Когда «Колымские рассказы» были опубликованы в журнале «Посев» в Германии и «Новом журнале» в Нью-Йорке, Шаламов был вынужден выступить с отречением от этих публикаций. В февральском номере «Литературной газеты» за 1972 г. печаталось письмо, датированное 15 февраля. Шаламов писал: «Считаю необходимым заявить, что я никогда не вступал в сотрудничество с антисоветским журналом “Посев” или “Новым журналом”, а также с другими зарубежными изданиями, ведущими постыдную антисоветскую деятельность»⁹⁰.

О том, что Шаламов в этом письме был искренним, свидетельствует его признание Воронской в том, что «...разумеется, только в Советском Союзе» он хотел бы издать свою книгу, написанную в традициях воспоминаний Воронского «За живой и мертвой водой»⁹¹. Это

⁸⁸ Эльсберг Яков Ефимович (1901–1972) – литературовед.

⁸⁹ Погорельская Е. И., Левин С. Х. Исаак Бабель: Жизнеописание. СПб.: Вита Нова, 2020. С. 408.

⁹⁰ Шаламов В. Письмо в редакцию «Литературной газеты» // Лесняк Б. Я к вам пришел... С. 205.

⁹¹ «Я не теряю надежды»: Письма В. Т. Шаламова Г. А. Воронской // «Я не сплю в московской тишине...». С. 47.

признание сделано вслед за публикацией в «Литературной газете» его протеста против публикации за границей «Колымских рассказов» без согласия автора.

Яроцкий запретил публикацию «Золотой Колымы» за границей, и, таким способом, не называя имени Шаламова, высказал отношение не только к зарубежным публикациям «Колымских рассказов», но и несогласие с позицией Солженицына, издававшего «Архипелаг ГУЛАГ» за границей.

Между тем в Советском Союзе книги бывших заключенных при их жизни оставались под запретом. Единственный рассказ Шаламова «Стланик» был напечатан в журнале «Сельская молодежь» в 1965 г.

В письме Я. Ямпольского лагерному товарищу И. Исаеву есть свидетельство о том, как ему отказали в публикации его воспоминаний, мотивируя тем, что их могут прочитать за границей: «Меня потом вызвали в редакцию “Правды”, где редколлегия много со мной беседовала, расспрашивала о методах следствия и последующих событиях на каторге. Мне тогда сообщили: “Мы вам сочувствуем, но исполнить вашу просьбу – напечатать в газете ваши воспоминания не можем, так как газета читается во всех зарубежных странах”»⁹².

Галина Воронская не дожидаясь выхода в свет первого сборника рассказов «На далеком прииске»⁹³ в альманахе, составителем и редактором которой был А. М. Бирюков.

⁹² Ямпольский Я. Письмо И. С. Исаеву от 8 авг. 1971 г. // «Я не сплю в московской тишине...». С. 124.

⁹³ Нурмина Г. На далеком прииске: Рассказы / вступ. ст. М. Бирюкова. Магадан: ГОБИ, 1992. 123 с.

Герои «Золотой Колымы» – исторические деятели

Общими героями лагерной прозы становились известные исторические деятели советской эпохи. Одним из них в «Золотой Колыме» Яроцкого является Л. М. Каганович. Он сыграл в судьбе Яроцкого роковую роль. О личной встрече с наркомом он написал в книге «Лицом к прошлому»:

«Пришлось мне увидеть и Л. М. Кагановича. В те времена я считал себя крупным специалистом и, когда назначили Кагановича, то подумал – очередная политическая фигура, железнодорожного дела не знает, будет море пустозвонных фраз и только...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.